

УДК 321.01

ТЕЛО КАК ПОВЕРХНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПИСЬМА: ОПЫТЫ ПРОТЕСТНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Скиперских Александр Владимирович,

НИУ Высшая школа экономики,
кафедра гуманитарных дисциплин,
доктор политических наук, профессор,
Пермь, Россия,
E-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

В данной статье речь идёт о том, как тело выступает в качестве поверхности политического письма, становясь частью протестного дискурса.

Выступая поверхностью для протестного текста, тело субъекта протеста концентрирует в себе протест, находясь в состоянии постоянной оппозиции к власти, к официальному дискурсу. Автор приводит ряд примеров, раскрывающих специфику использования тела в протестном политическом дискурсе современной России.

Ключевые слова:

власть, дискурс, поверхность протеста, протестный дискурс, сопротивление.

Наряду с дискурсом власти существует и дискурс сопротивления – протестный дискурс. Власть не может существовать без сопротивления, равно, как и сопротивление не может существовать без власти. Сопротивление вечной, неустанно тенью преследует власть, приучая её к постоянному ощущению собственной конечности и неизбежности обновления. Повсюду власть сообщается со своей диалектической оппозицией – сопротивлением, вокруг которого и образуется протестный дискурс, где и гнездятся протестные тексты.

В своих исследованиях автор периодически обращался к протестному дискурсу, создающемуся с помощью протестного письма,

несмотря на существующие расхождения в понимании и оценки данной категории – «многоголосицу существующих трактовок» дискурса как такового [7, с. 9].

Вместе с тем ежедневно мы сталкиваемся с протестным письмом, появляющимся вопреки официальным ожиданиям и регламентациям, заполняющим пустые поверхности, и заставляющим их говорить на языке протеста. В частности, нам кажется убедительной мысль Ж. Делёза, видевшего задачей сегодняшнего дня заполнение подобного вакуума. Пустое место необходимо заставить «циркулировать», а доиндивидуальные и безличные сингулярности заставить говорить, – короче, чтобы

производить смысл» [4, с. 109]. Таким образом, сама политическая реальность подталкивает исследователя к попыткам определения природы и структуры протестного дискурса.

Политическая и культурная практика показывает, что так и происходит, причём, вне зависимости от исторического времени и спецификаций политических систем и режимов. Политические акторы, так или иначе, представляющие сопротивление (а, вместе с ним, и протестный дискурс), в меру своих возможностей и используют пустые пространства и поверхности, для демонстрации протестных текстов.

В одном из своих исследований мы классифицировали поверхности, на которые накладывается политический протестный текст. На наш взгляд, их можно представить в трёх группах, имеющих характерные особенности и специфику. Это – город с его материальным капиталом, политическая коммуникация и непосредственный субъект протеста, тело которого, будучи погруженное в политический контекст, постоянно производит протестные смыслы [8, с. 110].

В данной статье наш интерес будет также сосредоточен на протестном дискурсе. Мы попытаемся определить, как тело субъекта протеста может фигурировать в качестве протестной поверхности. Мы не ставим задачи охватить все формы использования тела в качестве поверхности для наложения протестного письма. Для этого потребовалось бы изучение всего многообразия сопротивления и его медленной эволюционной метаморфозы. Подобный опыт настолько многообразен, что исследователь оказывается совершенно бессильным «схватить» все практики протестных манифестаций тела. Данная статья – только рассуждение о российской практике, иллюстрированное наиболее яркими примерами.

Власть изначально сильнее тела, практически все практики власти направлены на обуздание и подчинение человеческой активности. Власть заинтересована в полном контроле над обществом, единицей которого как раз и выступает человеческое тело. Ценность челове-

ческой жизни для власти минимальна, потому как ею решаются более стратегические задачи, в рамках которых основным приоритетом является общая цель, но только не сам человек. Власть думает и действует достаточно жёстко, в рамках политической целесообразности и государственной необходимости.

М. Фуко заметит как-то: «тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мёртвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [10, с. 39].

Казалось бы, в подобных условиях тело навсегда обречено на вечное подчинение и репрессивные нагрузки, а сам субъект на молчание и бездействие. К слову, английский политический философ И. Берлин однажды как-то выскажется по этому поводу, отмечая характерное для русской культуры «культурное молчание» [2, с. 122–133]. Молчат интеллектуалы, которые должны выступать альтернативными толкователями политического дискурса, поэтому, молчит и сама культура.

Но диагноз, поставленный И. Берлиным, русской культуре как «молчашей», не является абсолютно справедливым. Существование протестного дискурса, кажется, может опровергнуть это зловещее свойство русской культуры.

Отсюда, если существуют субъект, так или иначе, формирующие политический дискурс, альтернативный власти, стало быть, есть смысл говорить о протесте тела как такового. Тело субъекта протеста должно изначально рассматриваться в протестном контексте. Эксперименты с телом всегда эффективны – они всегда привлекают внимание и вызывают общественный резонанс. Не потому ли практики использования тела в протестном дискурсе всегда обладают особой зрелищностью и являются поводом для троллинга. Результативность провокации в полной мере связывается с культурной терпимостью самого государства, его отношения к культурному многообразию, его светскости. Скажем, гораздо более неожиданными и резонансными практики протеста

будут представляться в традиционных обществах, которые обладают высокой чувствительностью к изменению определённого порядка вещей и очень консервативны в ценностях.

Итак, тело оказывается вовлечённым как в дискурс власти, равно, как и в протестный дискурс, где оно старательно высказывает протест против тотального захвата властью.

Демонстрация протеста посредством своего тела предполагает, что протестное сообщение может нести в себе как само тело (всё тело целиком), так и какая-то его часть. Именно части тела начинают передавать сообщение в тот момент, когда нам открывается татуировка. Посвящённый человек по татуировке запросто прочтёт основные этапы биографии субъекта протеста. Какие-то части тела прочно ассоциируются с протестом. В частности, женские груди движения «Femen». Вспомним, что именно с этой же частью тела ассоциировались и воинственные амазонки, отпугивающие мужчин своим неожиданным образом.

Тело структурируется в протесте. Каждая часть тела может использоваться для донесения протестного сообщения. Равно, как в «Левиафане» Т. Гоббса каждая часть тела имеет чёткую связь с государственным органом. Кровь, текущая по Левиафану, означает деньги, но может и означать совершенно иной художественный замысел в духе венского акционизма, красноречиво демонстрируясь в протестном дискурсе [11]. Если следовать его теоретикам, протестная поверхность всегда телесна.

Это могут быть даже внутренние человеческие органы. Так 8 октября 2014 г. на входе в здание Банка России прошла одиночная акция «Пожирание рубля». Участник арт-движения «Синий Всадник» Олег Басов ел сторублевые банкноты и запивал их американской газировкой «Pepsi». На груди акциониста висел плакат, где был указан курс рубля по отношению к доллару и евро. Как объяснил смысл акции сам О. Басов, «акция символизировала унижительное падение российской национальной валюты. «Рубль обесценивается, превращается в дешёвую закуску» [3].

В подобных акциях есть что-то раблезианское. Или в духе путешествия по городу героя «Улисса» Д. Джойса, где каждый городской объект привязывается к определённой части тела, а, стало быть, и переносит на тело политические коннотации. Кстати, именно в процессе путешествия субъект протеста и может маркировать протестным письмом открывающиеся перед ним поверхности. Протестный дискурс требует постоянных экспериментов, что предполагает постоянную проработку пространства для протеста, отвечающего эстетической претензии субъектов протеста может стать результатом достаточно длительных поисков. Поиск может быть и моментальным, стремительным – в этом случае объект подбирается в лучших традициях ситуационизма.

Отчасти именно это имеет в виду и австрийский теоретик арт-протеста Г. Рауниг, говоря о том, что протестный дискурс создает «бесцельные рейды по пригородам, порой в предрассветных сумерках после пьяной ночи могли сменять точно рассчитанное вмешательство в городской центр. Граффити, *detournement* надписей на памятниках, снятие табличек с названиями улиц, психогеографическая картография. Здесь потенциал городского опыта используется как мотор производства желания, а возможность сопротивляется непосредственно, «ситуативно», объективно установленным «ситуациям» капиталистического обобществления. Ситуация и *dérive* позволяют обследовать городской ландшафт для самых различных целей, от студенческой попойки до отыскивания подходящих мест для баррикад» [6, с. 165].

Крайне радикальный пример использования собственного тела как поверхности письма продемонстрировал художник Пётр Павленский, который 3 мая 2013 года разделся догола и завернулся в колючую проволоку напротив здания Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, и в своей известной акции 10.11.2013 г. на Красной площади в Москве. Уже в начале сентября 2014 года Пётр Павленский демонстрирует свой новый перформанс с собственным повешением

на Красной площади, к которой он испытывает неподдельный интерес. В середине октября 2014 года П. Павленского снимают с крыши Института Сербского, где он показательно отрезал себе мочку уха. Ещё раньше была акция Петра Павленского с зашитым ртом – так «красноречиво» художник отозвался на ограничения свободы слова в России. Вообще, практика заклеивания собственного рта довольно часто встречается в политических системах, к которым у субъектов протеста есть «вопросы» по поводу ограничения свободы слова и ущемлениям гражданских свобод.

Говоря об исключительно жестоких попытках эксплуатации собственного тела в качестве протестной поверхности вспоминаются и ранние перформансы О. Кулика, изображавшего собаку, набрасывающуюся на людей и на автомобили. История становления творчества О. Кулика легла в основу документального фильма режиссёра Е. Митты «Олег Кулик: вызов и провокация» (2008) из цикла «Антология современного искусства».

Приведённые примеры подчас радикальной эксплуатации собственного тела в протестном дискурсе не являются такими уж и распространёнными. Есть и более популярные и доступные практики использования собственного тела в демонстрируемом протесте. Такой практикой может быть обычная татуировка, моментально политизирующаяся через содержание надписи. Сложно не увидеть политизации в популярной в СССР практике нанесения изображения Сталина на груди. Со временем, татуировка значительно технологизируется, но стремление соблюсти чёткую политическую обусловленность по-прежнему сохраняется. В частности, в практике движения «антифа» «распространено нанесение татуировок (с антирасистской символикой), пирсинга, а также иных средств изменения внешнего вида» [1, с. 191].

Протестный дискурс нельзя осмысливать как явление, свойственное исключительно столицам и крупным городам – эпицентрам политической жизни, с максимально насыщенной политическими событиями повседневности.

Было бы слишком узко определять протестный дискурс, будучи локализованным в рамках одних только крупных городских агломераций.

Протестный дискурс как продукт политического сопротивления автоматически возникает там, где есть дискурс власти. В современной российской политической науке уже есть примеры исследований, где определяется содержание и структура локальных политических протестов. В репертуаре протеста часто оказываются практики использования собственного тела для выражения несогласия [5, с. 58–65].

В г. Ельце Липецкой области в феврале 2012 года арт-группа «23:59» на снежном склоне одного из городских парков выложила телами 12 человек слово «НАТЕ». После выполнения надписи, на месте лежащих тел появились сотни зажжённых свечей, повторявших надпись, но уже огнём. Так акционисты выразили свой протест против вырубки парка. Достаточно традиционное для российских городов явление, в лучшем случае вызывающее общественную активность в форме сходов и митингов, получила и театральное разрешение.

Политический перформанс представлял собой своеобразный ответ на действия власти не в рамках существующих институтов, не через созданные для этого механизмы «сверху» (электронные и письменные обращения в общественные приёмные, сбор подписей, общественные петиции депутатские запросы, Общественная палата и т. д.). Наоборот, данный ответ стал больше гражданским и неуправляемым – это была моментальная, электрическая рефлексия на конкретную проблему. В данном перформансе прослеживается и литературная параллель. Наряду, с переводом с англ. «Нате» как ненависть, есть ещё и известный текст «Нате» В. Маяковского.

Необходимо отметить, что ужесточение ответственности за участие в протестных мероприятиях делает протест более замаскированным и потаённым. Российский опыт также показывает, что политический протест всё чаще эксплуатирует некие отвлечённые

темы (в частности, экологические темы, гражданские проекты, связанные с состоянием дорог и т. д.), тем самым, снимая с себя подозрения в излишней политической ангажированности и стремлении зарабатывать политические дивиденды «критикой ради критики».

Непосредственное тело акциониста участвует в выражении протеста и в ряде других акций елецкой арт-группы «23:59». В частности, можно вспомнить и о конфузе, произошедшем во время акции «Ливенский лёд», когда под одним из акционистов провалился лёд на глазах зевак, наблюдавших ледоход на реке [9, с. 156–157].

Протестное письмо может наноситься и на одежду, при этом сам факт использования конкретного цвета или элемента уже будет автоматически рассматриваться в протестном контексте. К протестному дискурсу отсылает и внешний вид субъекта, оказываясь решающим аспектом в настройке механизмов коммуникации. Вспомним, как герой С. Бодрова в самом начале фильма «Брат», в поисках клуба обращается к парням с ирокезами на головах.

На наш взгляд, очевидно, что в условиях всеобщей капитализации и схватывания собственности всеобщим капиталом, единственное, что осталось у человека и принадлежит ему – это его тело. Человеку может не принадлежать квартира, купленная в ипотеку, либо взятый в кредит мобильный телефон. Но своим телом человек пока ещё распоряжается сам, хотя политические практики прямого и опосредованного контроля над человеком могут убеждать нас в обратном. Создавая своё тело как поверхность протеста, и молчаливо согласовывая его присутствие в протестном дискурсе, субъект протеста как бы говорит своё «нет» тотальной капитализации тела в интересах власти. Человек гордо несёт с собой свой протест, свои протестные знаки, будучи ответственным за их содержание, становясь их реальным держателем и распорядителем. Человеческое тело становится своеобразно витриной политической рекламы, принадлежащей субъекту протеста, либо предоставляемой протестному дискурсу в целом.

Таким образом, протест концентрируется в самом человеке, редуцируясь в его теле и жизненном стиле. Тело субъекта протеста становится частью протестного дискурса.

1. Беликов С.В. Антифа. Молодёжный экстремизм в России. – М.: Алгоритм, 2012. – 256 с.

2. Берлин И. Молчание в русской культуре // История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.

3. В Москве возле Центробанка активист съел рубли и запил их Pepsi // <http://glavcom.ua/news/247338.html> (дата обращения: 10.10.2014).

4. Делёз Ж., Фуко М. Логика смысла. *Theatrum philosophicum* (Пер. с фр. Я.И. Свирского). – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.

5. Лобанова О.Ю., Семёнов А.В. Исследование протестного репертуара на локальном уровне (Тюменский случай) // Методология и теория исследований локальной политики. Сборник научных статей. Материалы международной научно-практической конференции. – Пермь: ООО «Печатный салон «Гармония», 2014. – С. 58–65. – 148 с.

6. Рауниг Г. Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 266 с.

7. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR–Дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи», 2011. – 336 с.

8. Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России. // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 108–113.

9. Скиперских А.В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк, 2013. – 204 с.

10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы (пер. с фр. В. Наумова). – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 479.

11. Хлебните украинской крови. // http://www.echo.msk.ru/blog/grani_ru/1442594-echo/ (дата обращения: 10.10.2014).

1. Belikov S.V. Antifa. Molodyozhnyj e'kstreimizm v Rossii. – M.: Algoritm, 2012. – 256 s.

2. Berlin I. Molchanie v russkoj kul'ture // Istoriya svobody. Rossiya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 544 s.

3. V Moskve vozle Centrobanka aktivist s»el rubli i zapil ix Pepsi // <http://glavcom.ua/news/247338.html> (data obrashheniya: 10.10.2014).

4. Delyoz Zh., Fuko M. Logika smysla. *Theatrum philosophicum* (Per. s fr. Ya.I. Svirskogo). – M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. – 480 s.

5. Lobanova O.Yu., Semyonov A.V. Issledovanie protestnogo repertuara na lokal'nom urovne (Tyumenskij sluchaj) // Metodologiya i teoriya issledovanij lokal'noj politiki. Sbornik nauchnyx statej. Materialy mezhduнародnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Perm': ООО «Pечатnyj salon «Garmoniya», 2014. – S. 58–65. – 148 s.

6. Raunig G. Iskusstvo i revolyuciya: xudozhestvennyj aktivizm v dolgom dvadcatom veke. – SPb.: Izdatel'stvo

Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. – 266 s.

7. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR–Diskurs: teoretiko-metodologičeskij analiz. – Ekaterinburg: UrO RAN, ID «Diskurs-Pi», 2011. – 336 s.

8. Skiperskix A.V. Poverxnosti protesta: osobennosti političeskogo pis'ma v sovremennoj Rossii. // Političeskaya lingvistika. – 2014. – № 1. – S. 108–113.

9. Skiperskix A.V. Političeskij protest v rossijskoj

provincii: struktura, dinamika, performansy (na primere Lipeckoj oblasti). – Lipeck, 2013. – 204 s.

10. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my (per. s fr. V. Naumova). – M: Ad Marginem, 1999. – S. 479.

11. Xlebnite ukrainskoj krovi. // http://www.echo.msk.ru/blog/grani_ru/1442594-echo/ (data obrashheniya: 10.10.2014).

UDC 321.01

BODY SURFACE AS A POLITICAL LETTER: EXPERIMENTS OF PROTEST DISCOURSE IN CONTEMPORARY RUSSIA

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich,

National Research University
Higher School of Economics
Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department of Humanities,
Perm, Russia,
E-mail: pisatels@mail.ru

Annotation

In this article we are talking about how the body acts as the surface of political text, becoming a part of the protest discourse.

Speaking to the surface of the text of the protest, the body of the subject of the protest concentrates the protest, being in a constant state of opposition to the government, the official discourse. The author cites a number of examples that reveal the specifics of the use of the body in protest political discourse in modern Russia.

Key words:

power, discourse, the surface of protest, the protest discourse resistance.